

ство счастливейших стилистических находок, и сам он — одна из запоздалых счастливых находок зарубежной поэзии» (Струве Г.— С. 361–362).

Соч.: Поздний гость: Стихи, поэмы, драматические поэмы: в 2 т. Вашингтон, 1968–69.

Лит.: Вильчковский К. О поэзии В. Корвин-Пиотровского // Возрождение. Париж. 1956. № 53; Померанцев К. [Рец. на сб. «Поражение»] // Мосты. 1964. № 4; Офросимов Ю. Против течения: О поэзии В. Корвин-Пиотровского // Новый ж. Нью-Йорк. 1960. № 61; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. 2-е изд. Paris, 1984. С. 172–173, 361–362; Витковский Е. Те же... и Корвин-Пиотровский // Совр. драматургия. 1990. № 2.

В. В. Попов

КОРЖАВИН Наум (настоящее имя Наум Моисеевич Мандель) [14.10.1925, Киев] — поэт, драматург.

На формирование К. как человека и поэта большое влияние оказали родители. Отец, всю жизнь мечтавший о хорошей специальности, ушел из замкнутого религиозного мира, хотя «воинственного характера его атеизм не имел». Перепробовав множество профессий, в 50 лет окончил техникум, но по специальности (контролер ОТК) работал только во время войны, позже был переплетчиком. Будучи типичным самоучкой, отец К. научил своего сына «умению быть объективным, стремиться понять другую сторону, просто других людей, без чего не существует ни художника, ни личности вообще» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 165). Отвращение к «плакатному изображению истории» у К. тоже от отца.

«Представление о том, что жизнь не должна ограничиваться прожитием, было усвоено мной с детства именно благодаря матери» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 180). Врач по профессии, она, несмотря на привычку к экзальтации, способствовала формированию в К. важного мировоззренческого и эстетического принципа: «Духовное наполнение жизни надо находить не в ошалелом стремлении к некоей конечной (и уже потому ложной) общественной цели (к земному раю), а в чем-то другом — в одухотворении повседневного» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 180). Поэт неоднократно подчеркивал, что путь, по которому он пошел в жизни, проложен родителями.

В 13 лет шестиклассником К. пришел на занятия лит. кружка, с невероятным упорством сочиняя стихи и в школе, и дома. Наиболее удачным было стих. о знакомой девочке

Н. М. Коржавин

«**Жуча**», его К. читал посещавшим Киев московским литераторам — Н. Асееву, И. Эренбургу и др. Страстно увлекался Маяковским, который был в поэзии его первой любовью, подражал ему, пытаясь «скандалить» и в стихах, и в поведении, хотя это противоречило самой природе К. Для молодых начинающих киевских поэтов Маяковский был отголоском романтической революционной эпохи, свидетельством того, что она продолжается и в 1930-е. Кроме того, Маяковский привлекал «тотальным антимещанским пафосом», защитой любви и поэзии, утверждением, что «в поэзии любые общественные чувства должны иметь личную (точней, личностную) подоплеку» (**В соблазнах кровавой эпохи**. С. 145). Через Маяковского и в связи с его творчеством вышел К. на др. поэтов — Пушкина, Ахматову, Блока, Пастернака.

В 1941 К. вместе с семьей эвакуировался из Киева и до весны 1944 жил в пос. Симский Завод (потом г. Сим) Челябинской обл.

О довоенном Киеве, своем детстве и юности К. рассказал в автобиографической повести «**В соблазнах кровавой эпохи**» (1980–91), в ней отражен напряженный духовный опыт и основные этапы внутренней и внешней биографии. Стихи молодого К. стали известны и популярны в молодежных аудиториях послевоенной Москвы, когда он — с 1945 студент Лит. ин-та — часто читал их перед слушателями и сумел в своих полудетских стихах сказать о «повальном страхе тридцать седьмого года», в них звучала крамольная нота в попытке анализа трагедии времени. Ранние стихи К. близки лирике «лобастых

мальчиков революции». В поэме **«Утверждение»** (1948), посвященной Павлу Когану, которого поэт считал чуть ли не своим двойником, была предпринята «наивная попытка человечность и поэзию соединить со сталинизмом».

Ранний — первый — этап своего творчества К. называет **«Предпутье»**, строя сб. избранных стих. 1974 **«Времена»** по типу поэтической биографии. 3 части этого сб. совпадали с периодами внутреннего развития поэта и во многом с периодами развития российской истории. **«Предпутье»** — то есть блуждание в потемках, молодое желание жить и верить» (**Гармония против безвременья**. С. 169), представлено стихами, написанными до 1947. В стихах о детстве и растоптанной романтике, запыленных знаменах, «неискренних людях», пугающих врагами, много наивности и юношеского максимализма. Но уже в 1944 появляются программные для поэта стихи **«Гейне»** и **«Зависть»**. В первом в лаконичной афористической форме выражена позиция поэта, его творческое кредо: «Высшая верность поэта — / Верность себе самому» (Время дано.— С. 12). Во втором поэт завидует мужеству и смелости декабристов, вышедших на Сенатскую площадь, бросивших вызов своему времени и увенчанных славой и любовью: «Мы не будем увенчаны... / И в кибитках, / Снегами, / Настоящие женщины / Не поедут за нами» (**Время дано**. С. 13). Поэт также заметит, что в смысле поэтики он почти не менялся, манера установилась сразу.

В 1947 студент 3-го курса Лит. ин-та К. был арестован за стихи о Сталине **«16 октября»** (см. об этом рассказ В. Тендрякова **«Охота»**). Сам К. воспринимал эти стихи чуть ли не как сталинистские, т. к. пытался в них оправдать тиранию Сталина, а это уже было преступлением. В стих. **«На смерть Сталина»** (1953) он выступил против слепой веры и лжи. Самым страшным для поэта было то, что тиран «внушал людям высшую степень внутренней несвободы, некую духовную прострацию... Сталин навязал целому обществу тяжелейшую психическую болезнь» (**Гармония против безвременья**. С. 171).

После 8 месяцев пребывания в Лубянской тюрьме К. был отправлен в ссылку. С окт. 1948 по янв. 1951 жил в д. Чумаково Новосибирской обл. После ссылки учился в Карагандинском горном техникуме, а затем вернулся в Москву. Лит. ин-т ему удалось окончить только в 1959.

Второй период творческой биографии К. (с 1948 по 1956) тоже был «блужданием

в потемках... уже связанных со страданием, а значит, и с нарастанием трезвости» (**Гармония против безвременья**. С. 169). Поэт назвал этот период творчества — **«В наши трудные времена»**.

Тюрьма, неволя, Сибирь, одиночество и тоска по друзьям, аналогия собственной судьбы с судьбами декабристов обостряют и укрупняют в лирике К. тему времени, проблему отношений поэта и государства. Мудрость и зрелость страдания в исповедальном **«Вступлении в поэму»** (1952) приводят поэта к серьезному выводу: «Время? / Время дано. / Это не подлежит обсуждению. / Подлежишь обсуждению ты, / Разместившийся в нем» (Время дано. С. 42). Чувство родины и приобщение к российской истории звучат в стих. **«Возвращение»**. Позже поэт заметит: «Я — государственный, выступающий за более полные права человека» (**Гармония против безвременья**. С. 180). Пытаясь определить для себя сущность поэзии, К. обращается к Пушкину. Главное в нем для поэта — «неотрывность от поэзии и от жизни во всей ее полноте, умение с этой бытийной полнотой всецело слиться» (**Гармония против безвременья**. С. 174). У Пушкина К. учился гармоничной естественной духовности, простоте, «яростным сторонником» которой он был всю жизнь. Поэзия и должна преодолевать хаос, сложность жизни.

Тема Бога и глубокой непоказной веры, ощущение высоты и строгой красоты и гармонии звучит в стих. **«Церковь на Нерли»** (1954): «И глядишь доступно и строго, / И слегка синеешь вдали... / Видно, предки верили в Бога, / Как в простую правду земли» (Время дано. С. 60).

От наивного и воинствующего безбожника в духе пионерской романтики — после поисков и страданий — поэт пришел к принятию Бога и христианской церкви, «где все люди вместе». «И то, что я недавно крестился,— пишет К. в 1990-е,— естественный итог всей моей жизни» (В соблазнах кровавой эпохи. С. 167). Третий период творчества — **«Приобщение»** (с 1956 до конца 1970-х) — «связан уже с полной трезвостью, история относится не только к ощущению политической или исторической реальности, а прежде всего — к трезвому ощущению шкалы человеческих ценностей и извечной трагедии жизни», а «высокая поэзия — это прежде всего ответ на извечную трагичность бытия» (**Гармония против безвременья**. С. 169). Именно в это время происходит полный отказ К. от иллюзий, «внутреннее освобождение от большевизма».

К. пишет о великих и трагических событиях времени: о полете Ю. Гагарина, венгерских уроках 1956, Пражской весне 1968 («Апокалипсис»). Особенно остро ощущает К. кровную связь со «своей Россией», ее простыми людьми, ее трагическими поэтами: «Я просто русским был поэтом / В года, доставшие мне» (Время дано. С. 60).

К. сознательно пренебрегает метафорой, считая ее «бичом XX века», т. к. она мешает естественному чувству жизни, ставит творца над нею. Несмотря на это, К. учился у Пастернака, «многое почерпнул из пастернаковского синтаксиса и ритмико-интонационного строя». Пастернак дорог поэту «духовной емкостью», «неподражаемой доверительностью и причастностью к бытию» (Гармония против безвременья. С. 172).

Программой для этого периода творчества К. является стих. «**Инерция стиля**» (1960). Стиль для К.— «это мужество / В правде себе признаваться», поэту инерция стиля — самое страшное для поэта, он преодолевал ее молчанием. Большая подборка стихов К. была напечатана в 1961 в альм. «Тарусские страницы», а в 1963 вышел единственный (до эмиграции) его поэтический сб. «**Годы**». В 1960-е К. обратился к драматургии. Его пьеса о Гражданской войне «**Однажды в двадцатом**» в 1965 шла на сцене Театра им. Станиславского. В эмиграции появились еще 2 пьесы — «**Жить хочется (Однажды в двадцать втором)**» и «**Различные точки зрения**», театрам для постановки поэт их не предлагал. Большое внимание привлекла страстная полемическая статья К. «**В защиту банальных истин (О поэтической форме)**».

В 1973 поэт эмигрировал из России, с тех пор он живет в США, в Бостоне. «Стоит ли мой путь таких жертв? Ведь я все равно у разбитого корыта» (В соблазнах кровавой эпохи. С. 181). Под «разбитым корытом» подразумевается сам факт эмиграции, «отъезда в никуда». «Я свободы достиг. / Но стою совершенно один / В мельтешенье пустых / Мыслей, чувств, посягательств, картин» (Время дано. С. 152). Почти в каждом эмигрантском стих. подчеркивается неразрывная связь поэта с родиной, друзьями, звучит чувство вины и покаяние. За счет свободы путешествий и перемещений расширилось поэтическое пространство стихов К., но мысль и чувство сосредоточены на теме родины и чужбины, памяти и смерти. На новой основе возникает перекличка со всей русской лит-рой, утверждение единства творческих поколений русской интеллигенции: «Мы друг к другу прижаты /

И кругом виноваты» (Время дано. С. 281). Палитра чувств в стихах К. необычайно богата и многообразна: от счастья приобщенности к судьбе далекой родины — до стыда и боли, от чувства вины и беды — до высокой ответственности перед жизнью и словом.

К.— автор нескольких поэм («**Танька**», «**Поэма существования**», «**Поэма греха**», «**Поэма причастности**» и др.). В поэме «Танька» (1957) через судьбу бывшей комсомолки, пламенной революционерки, испытавшей все трагедии сталинщины, К. показывает время с его жертвами и палачами. «Ненавидя, страдая, любя», всматривается в судьбу героини, как в собственную. А в поэме «**Сплетения**» (1980), обращаясь к своей родословной, размышляя над разными вариантами судьбы, поэт подчеркивает сплетения времен и судеб: «Я рад, что мне вышло родиться / В стране, из которой сбежал. / Но все — и причастие к небу / И к правде пристрастие мое / (За что и гоним был нелепо, / И изгнан) — во мне от нее» (Время дано. С. 273). Интонация дружеской исповеди соответствует естественности обращения сына к своей суровой матери России, которой он «шепчет стихи, как письмо».

«Я прожил трудную, но наполненную и, в общем, счастливую жизнь. И тому, что я любил, что сделало меня человеком, я, по всей вероятности, буду верен до конца» (В соблазнах кровавой эпохи. С. 163).

Соч.: Годы. М., 1963; Письмо в Москву. М., 1991; Время дано. М., 1992; Гармония против безвременья // Вопр. лит-ры. 1989. № 7; Анна Ахматова и Серебряный век // Новый мир. 1989. № 6; В соблазнах кровавой эпохи // Новый мир. 1992. № 7, 8. Ч. 1; Новый мир. 1996. № 1, 2. Ч. 2.

Лит.: Сарнов Б. Верность себе самому // Сарнов Б. Если бы Пушкин... М., 1998.

Н. Н. Кякшто

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович [29.8(10.9).1868, Симбирск — 12.1.1937, Калинин (ныне Тверь)] — поэт, прозаик.

Родился в семье дворянина, мирового судьи и мирового посредника. Фамилию и дворянство унаследовал от деда: Михаил Петрович Баренцев, одаренный арзамасский крестьянин-мордвин, подростком бежал из дома, окончил Казанскую гимназию, Петербургскую Академию художеств, где за выпускной проект «в коринфском стиле» получил золотую медаль, звание академика и по желанию присутствующего на торжественном акте Александра I фамилию Коринфский.